

К вечеру Гу Чжиянь уже собрал вещи и приготовился уезжать, как вдруг съёмочная группа уведомила всех: личные планы отменить, завтра съёмки возобновляются.

Сначала Гу Чжиянь решил, что ослышался. Группа уже два дня как остановилась и официально объявила себя банкротом — и вдруг ожила?

Исполнительница главной женской роли расплакалась от счастья и, обняв своего агента, залилась слезами.

Для неё это тоже был дебют. Они все были новичками и вложили сюда максимум сил. Да, сценарий плохой, денег у группы мало, но энтузиазма это не убавило: каждый отдавал в десять раз больше энергии и старался показать всё, на что способен.

Никто не хотел бросать работу на полпути.

Даже когда окончательно подтвердилось, что съёмки прекращены, все никак не могли заставить себя разъехаться. Несколько дней тянули время и лишь понемногу начали собираться по домам.

И кто бы мог подумать, что теперь объявят о возобновлении съёмок?

Вся площадка мгновенно взорвалась радостными криками, будто люди хотели этим шумом разогнать мрачную тучу, висевшую над ними последние дни.

Гу Чжиянь тоже с облегчением выдохнул. Если съёмки возобновили, значит, деньги появились? Значит, и его гонорар смогут выплатить?

— Брат Гу, это же здорово! Мы ещё сможем работать вместе! — Девушка-главная героиня подбежала и хотела обнять его.

Гу Чжиянь незаметно уклонился и кивнул.

— Угу. Дальше тоже придётся потрудиться.

Девушка неловко почесала затылок.

— Сегодня такой счастливый вечер. Давайте все вместе поужинаем, я угощаю.

Гу Чжиянь уже собирался вежливо отказаться, когда почувствовал вибрацию телефона в кармане.

Увидев знакомый номер, он сразу отошёл в угол и в редком для себя расслабленном настроении ответил.

— Гу Чжиянь. — Лу Цин сидел на полу, голос был хриплым и слабым.

— Цинцин.

— Гу Чжиянь, я сегодня такой счастливый. — Лу Цин снова и снова перечитывал строки договора. Перед глазами плыло, и он изо всех сил старался не закрывать их, боясь, что опять неправильно что-нибудь прочитает.

— Я тоже очень счастлив.

— Я сдал. Гу Чжиянь, ты правда потрясающий. Я все экзамены сдал.

— Не я потрясающий. Это Цинцин умный.

Лу Цин медленно собирал документы.

— Можно я завтра приеду к тебе?

Гу Чжиянь: «...»

Раз съёмки завтра уже возобновятся, пусть приедет на площадку. В принципе, ничего страшного.

— Гу Чжиянь, мы больше месяца не виделись. Я хочу пудинг. — Лу Цин сжал правую руку в кулак и прижал ко рту. От резкой боли голос дрожал.

— Вечером найду кухню и приготовлю тебе. Завтра приедешь — сможешь поесть.

— Хорошо. Тогда до завтра.

— Угу. До завтра. Ложись пораньше, не сиди ночью.

Лу Цин завершил звонок и попытался встать, но сил не хватило. Едва он двинулся, как резкая боль вернулась. Обеими руками он сжал живот, пытаясь унять спазм.

Пришлось снова послушно сесть на пол, уткнуться лицом в колени и до боли закусить губу, чтобы не закричать.

Гу Чжиянь опустил телефон. Ещё мгновение назад лицо было залито тёплой улыбкой, словно весенним ветром, но уже в следующую секунду в голове вспыхнула тревожная мысль.

После пересдачи прошёл уже месяц. Результаты должны были объявить давным-давно!

Он в панике снова схватил телефон и, не раздумывая ни секунды, набрал Лу Цина.

На этот раз никто не ответил.

Гу Чжиянь быстрым шагом выбежал со съёмочной площадки.

Когда приступ острой боли немного отпустил, у Лу Цина наконец появились силы посмотреть сообщения.

Гу Чжиянь прислал всего два слова: «Ты где?!»

Лу Цин занервничал и выронил телефон на пол.

Он растерянно огляделся, всё ещё не понимая, на какой именно фразе себя выдал.

«Ж-ж-ж». Телефон снова завибрировал.

Не ответить Лу Цин не решился, но он ещё даже не успел придумать оправдание, как собеседник безжалостно его перебил.

Гу Чжиянь:

— Ты где?!

Всё тот же ледяной тон.

Глаза Лу Цина мгновенно покраснели.

— Ты на меня кричишь.

На этот раз Гу Чжиянь не смягчился и властно приказал:

— Пришли геолокацию.

Лу Цин стиснул зубы и покорно отправил местоположение.

Через десять с лишним минут такси резко остановилось у обочины.

Машина ещё не успела полностью затормозить, а Гу Чжиянь уже распахнул дверь и выбежал наружу.

Лу Цин мутно поднял голову. Лицо было белым, взгляд расфокусированным, а сам он выглядел так, будто его только что вытащили из воды: одежда насквозь пропиталась потом.

Гу Чжиянь присел перед ним. От холодности, с которой он говорил по телефону, не осталось и следа.

— Желудок болит или голова кружится?

Лу Цин открыл рот и слабым дыханием выговорил:

— Болит.

Гу Чжиянь попытался поднять его на руки.

— Едем в больницу.

— Пока не трогай. — Лу Цин вцепился в его руку, используя её как опору. — Дай немного пройти.

Гу Чжиянь почувствовал на нём лёгкий запах алкоголя, и брови сошлись почти в узел.

Он пил. С его-то разваленным организмом — и он ещё пил!

Лу Цин словно из последних сил подавлял боль; тело дрожало само по себе.

Гу Чжиянь не стал спрашивать, почему тот здесь, и не потребовал объяснить, зачем он пил. Его Цинцину и без того было слишком плохо.

От боли перед глазами Лу Цина всё плыло, и в конце концов он совсем обмяк в объятиях Гу Чжияня. Крепко сжимая край его одежды, Лу Цин заметил хмурое лицо и всё же заставил себя улыбнуться.

— Гу Чжиянь, я вообще-то хотел сегодня приехать к тебе, но мне стало немного плохо. Ты

рассердишься, что я тебя обманул?

Гу Чжиянь наклонился и поднял его на руки.

— Я очень рад, что ты приехал ко мне.

— Тогда чего ты такой мрачный? — Лу Цин легко провёл пальцами между его бровями.

— Тебе плохо.

— А я думал, когда ты меня увидишь, будешь улыбаться.

Гу Чжиянь изо всех сил попытался улыбнуться.

— Это ещё страшнее, чем если бы ты плакал. — Лу Цин двумя руками слегка потянул уголки его губ вверх. — Я знаю, что у вас на съёмках случилось. Тётя мне всё рассказала. Я переживал за тебя, поэтому вот так необдуманно и примчался. Улыбнись мне, хорошо?

Гу Чжиянь остановился. Он спрятал всю горечь на лице и, призвав на помощь всё актёрское мастерство, которому успел научиться за эти дни... широко улыбнулся.

Лу Цин остался очень доволен этой мягкой, почти текучей от нежности улыбкой и ещё доверчивее прижался к его плечу.

— Сегодня я выпил полбокала. Раньше не замечал, а теперь думаю: почему алкоголь такой невкусный?

— Больше мы оба пить не будем.

— А почему ты не спрашиваешь, зачем я пил?

— Цинцин, зачем ты пил?

— Потому что скучал по тебе и заливал тоску вином. — Губы Лу Цина будто случайно скользнули по мочке его уха.

На мгновение Гу Чжиянь решил, что ему показалось. Но на кончике уха словно по-прежнему оставалось тепло губ Лу Цина. Оно понемногу просачивалось сквозь кожу в кровь, а затем одним потоком хлынуло в сердце.

Все годы безответного желания в один миг превратились в исполненную мечту.

Он опустил голову, и их взгляды встретились.

Лу Цин сияюще улыбнулся.

— Я хочу поцеловать тебя в щёку, но боюсь, что ты от волнения меня уронишь.

<http://bllate.org/book/21886/2324230>